

Подарок для читателей журнала

ИЗ ДНЕВНИКА АМИЕЛЯ*

Предисловие и редакция Л.Н. Толстого

Перевод с французского М.Л. Толстой

(Продолжение. Начало см. № 3'2014)

Всякая сфера жизни
стремится к сфере
более возвышенной

12 августа 1852 г. (Ланси). Всякая сфера жизни стремится к сфере более возвышенной и имеет уже откровения и предчувствия о ней. Идеал во всех своих формах есть упреждение, пророческое видение о жизни высшей, чем собственная, которой постоянно стремится достичь всякое существо. Эта жизнь, высшая по своему достоинству, по своей природе, более внутренна, то есть более духовна. Как вулканы приносят нам тайны недр земного шара, так и энтузиазм, экстаз суть преходящие взрывы этого внутреннего мира души. И человеческая жизнь не что иное, как приготовление к наступлению этой духовной жизни. Ступени посвящения в нее неисчислимы. Итак, бодрствуй, ученик жизни, кризолида ангела, работай над твоим будущим расцветом, потому что божественная Одиссея есть не больше, как ряд превращений всё более и более одухотворенных, где всякая форма есть результат предыдущих и вместе с тем необходимое условие тех, которые за ней следуют. Божественная жизнь есть ряд последовательных смертей, в которых дух отбрасывает свои несовершенства и свои символы и уступает возрастающему притяжению невыразимого центра тяжести солнца, разума и любви.

Самая прекрасная
поэма – это жизнь,
жизнь, которую
в одно и то же время
читаешь
и сочиняешь...

27 сентября 1852 г. (Ланси). Сегодня мне исполнился 31 год. Самая прекрасная поэма – это жизнь, жизнь, которую в одно и то же время читаешь и сочиняешь...

* *Амиель Генри (Henri Amiel)*. Из дневника Амиеля. – СПб.: Типография В. Демакова, 1894. – 107 с. [Для интеллигентных читателей. Издание «Посредника». Допущено цензурой. С.-Петербург, 2 сентября 1894 года].

ешь, в которой увлечение и совесть соединяются и помогают друг другу, жизнь, которая признает себя микрокосмосом и перед Богом представляет в малом виде всемирную божественную поэму. Да, будь человеком, то есть будь природой, будь духом, будь образом Бога, будь тем, что только есть самого великого, самого прекрасного и самого возвышенного во всех сферах существования, будь мыслью, бесконечной волей и воспроизведением великого целого.

Дай Богу войти
в тебя

И будь всем, не будучи ничем, обезличиваясь, давай Богу войти в тебя, как воздух входит в пустое пространство, признавая свое эгоистическое я только за сосуд, содержащий божественную сущность. Будь кроток, сосредоточен и молчалив, чтобы слышать тихий и глубокий голос внутри тебя самого. Будь духовен и чист, чтобы войти в общение с чистым разумом. Входи часто в святилище твоей совести, входи в точку атома, чтобы освободиться от пространства, времени, материи, соблазна, расстояния, чтобы уйти от твоих органов, от твоей собственной жизни, то есть умирай часто и вопрошай себя перед лицом этой смерти, для приготовления к последней и настоящей. Тот, кто может без содрогания вообразить себя слепым, глухим, паралитиком, кого не ужасает болезнь, предательство, нищета, тот, кто без трепета может предстать перед лицом высшей справедливости, тот только может считать себя приготовленным к смерти, временной или совершенной.

Принимать всё как
ссуду, как дар
и дорожить только
нетленным

О, как далек я от этого, как далеко мое сердце от такого стоицизма! Но, по крайней мере, отрешиться от всего того, что может быть отнято, принимать всё как ссуду, как дар и дорожить только нетленным – вот что надо испытать. Верить в Бога доброго, отеческого и воспитывающего, умеряющего ветер для остриженной овцы, наказывающего только по необходимости и отнимающего только с сожалением: это убеждение дает смелость и сознание безопасности. О! как мы нуждаемся в любви, нежности, привязанности, доброте и как мы уязвимы, мы, сыны Бога, мы, бессмертные и владыки, сильные как мир или слабые как червяки, смотря потому, изображаем ли мы Бога или самих себя, опираемся ли мы на Существо или мы одни.

Что придает жизни
ее достоинства
и энергию

Только мировоззрение религиозное, религии деятельной, нравственной, духовной и глубокой, одно только оно придает жизни всё ее достоинство и энергию. Оно делает неуязвимым и непобедимым. Землю можно победить только именем неба. Все блага даются только тому, кто ищет только мудрости. Только тогда

бываешь сильнее всего, когда вполне бескорыстен, и мир у ног того, кого он не может обольстить. Почему? Потому что дух властвует над материей и мир принадлежит Богу. *«Мужайтесь, – сказал небесный голос, – я победил мир!»*

Боже, дай силы слабым, желающим доброго!

Способность на все страсти и способность управлять ими

6 ноября 1852 г. Я способен на все страсти, потому что он всё во мне; как усмиритель диких зверей, я держу их в клетках и на привязи, но слышу иногда их рычания. Я задушил в себе не одну зарождающуюся любовь. Почему? Потому что верным пророческим чутьем нравственного сознания я чувствовал, что она неживуча и менее продолжительна, чем моя жизнь. Я задушил ее в пользу будущей, окончательной привязанности. Любовь чувственная, воображаемая и сентиментальная, – я видел тщету ее и отбросил, я хотел любви настоящей и глубокой. И я теперь верю в нее. Я не хочу этих страстей, которые вспыхивают как солома, ослепляют, сжигают и иссушают; я призываю, надеюсь и жду великой, святой, важной и серьезной любви, которая живет всеми фибрами, всеми силами души. И если мне суждено остаться одиноким, я предпочитаю унести с собой свою надежду и мечту, чем связать неравным браком свою душу (*mésailler mon âme*).

Ответственность перед собой – это невидимый кошмар

8 ноября 1852 г. Ответственность перед собою – это мой главный, невидимый кошмар. Страдать по своей вине – это страдания проклятых, потому что смешная сторона этого увеличивает страдания. Нет ничего хуже, как стыдиться перед самим собою. У меня бывает сила и энергия только против зол, приходящих извне, но непоправимое зло, сделанное мною самим, отказ от своей воли на всю жизнь, от своего спокойствия, свободы – одна мысль эта приводит меня в бешенство. Я должен платить за свое преимущество. Преимущество же мое в том, что я присутствую при драме своей жизни, сознаю трагикомедию моей судьбы; мало того, знаю секрет этого трагикомизма, состоящего в том, что я не могу принимать серьезно моих иллюзий, что я смотрю на себя из залы на сцену, с того света на эту жизнь и должен притворяться, что интересуюсь своей индивидуальной ролью, тогда как я пользуюсь доверенностью сочинителя, не считающего важными все эти обстоятельства и знающего то, чего не знают зрители. Это странное положение, которое становится жестоким, когда страдание заставляет меня возвратиться к моей маленькой роли, с которой оно меня связывает, предупреждая меня о том, что я слишком эмансипируюсь после моих разговоров с поэтом, предпо-

лагая, что я могу освободиться от роли слуги в комедии. Шекспир должен был испытать это чувство, и Гамлет, мне кажется, где-то и выражает его. Это двойничество – *Doppelgängerei* – совершенно немецкое, которое вполне объясняет столь обычное отвращение от общественной жизни немецких мыслителей. Есть какая-то деградация, гностическое падение в том, чтобы, сложив свои крылья, вернуться в грубую скорлупу простого смертного.

Избранные люди
своего рода

Без страдания, которое составляет ту бечевку, на которой держится этот смелый летучий змей, человек поднялся бы слишком скоро и слишком высоко и избранные люди были бы потеряны для своего рода, как баллоны, которые без тяготения не вернулись бы из небесных пространств.

Как же увеличить в себе смелость для деятельности?

Допуская в себе бессознательность, непосредственность, инстинкт, которые возвращают к земле и указывают на добро относительное и полезное.

Просто принимая
условия
человеческой жизни,
приобретаем опыт
потерями и уроками

Практически веруя в провидение, которое прощает и позволяет исправить испорченное, более наивно и просто принимая условия человеческой жизни, менее боясь труда, менее рассчитывая и более надеясь, то есть уменьшая ответственность предвидением и уменьшением ответственности уменьшая робость, приобретаем более опытности потерями и уроками.

Ошибка тем опаснее, чем более она заключает правды... Для того чтобы решить, что верно, пересмотри раз и другой, для того чтобы узнать, что красиво, – взгляни только один раз.

Всякий понимает только то, что находит в себе.

Идеал,
направляющий
жизни родителей,
сущностно доходит
до ребенка

6 января 1853 г. Религия ребенка зависит от образа действий, а не от образа выражений его родителей. Внутренний и бессознательный идеал, направляющий их жизни, есть именно то, что доходит до ребенка; слова же их, выговоры, наказания, вспышки даже, для него не что иное, как комедия, гром; веру же их он предчувствует и чувствует инстинктом. Ребенок видит, каковы мы, сквозь то, чем мы хотим казаться; от этого-то его репутация физиономиста. Он распространяет свою власть над каждым из нас, насколько может. Это тон-

кий дипломат. Он бессознательно подвергается влиянию каждого и отражает его, преображая посредством своей собственной природы; это увеличивающее зеркало. Вот почему первый принцип воспитания следующий: воспитывай сам себя; и первое правило, которому надо следовать для того, чтобы владеть волей ребенка, – овладей своей.

Сон есть
преображение себя
в лучшего и более
сильного

20 марта 1853 г. Сон есть просеивание своих волнений, сбрасывание своей тины, успокоение своей души, вылечивание своей лихорадки, возвращение себя в недра материнской природы и там преобразование себя в лучшего и более сильного. Сон есть некоторого рода невинность и очищение. Благословен тот, кто дал сынам человеческим этого верного и твердого спутника жизни, этого ежедневного восстановителя и утешителя.

Я наслаждался своим
ничтожеством

27 октября 1853 г. Благодарю тебя, Господи, за час, который я только что провел в твоём присутствии. Я узнал твою волю, я оценил свои ошибки, счел свои слабости и почувствовал твою доброту ко мне. Я наслаждался своим ничтожеством. Ты дал мне мир твой. В горечи сладость, в горе радость, в сокрушении сила, в Боге казнящем – Бог любящий. Потерять жизнь, чтобы приобрести ее, отдавать, чтобы получить ее, ничего не иметь, чтобы всё покорить, отречься от своего «я», чтобы Бог отдался нам, – какая невозможная задача и какая дивная действительность! Без страдания не узнаешь истинного счастья, и выкупленный счастливей избранного.

Торжество
страданий,
превращение зла
в добро есть
божественное чудо

В тот же день. Торжество страданий, превращение зла в добро есть преимущественно божественное чудо. Вернуть посредством любви свободное существо к Богу и грешный мир к добру – это довершение творческого дела, это вечная воля бесконечного милосердия. Всякая обращающаяся от зла к добру душа есть символ истории мира. Быть счастливым, иметь жизнь вечную, быть в Боге, быть спасенным – всё это одно и то же: это решение задачи, цель существования. И блаженство растёт, как может расти и горе. Неизменно мирный и вечный рост, всё более глубокое вникновение, всё более сильное и духовное овладевание небесной радостью – вот в чем счастье. Счастьем нет границ, потому что в Боге нет ни дна, ни берегов, а счастье есть овладевание Богом через любовь.

Глубже нашего сознания находится наше существо: наша сущность, наша природа

Центр жизни ни в мысли, ни в чувстве, ни в воле, ни даже в сознании, насколько оно мыслит, чувствует и хочет, потому что нравственная истина может быть усвоена всеми этими средствами и все-таки ускользнуть от нас. Глубже нашего сознания находится наше существо: наша сущность, наша природа. Только те истины, которые входят в эту область, сделавшись нами самими, неожиданно и невольно, инстинктивно и бессознательно, только те составляют действительную нашу жизнь, то есть более, чем нашу собственность. Пока мы различаем какое-либо пространство между истиной и нами, мы вне ее. Мысль, чувство, желание, сознание жизни – всё это еще не есть жизнь. В сущности, мы можем найти мир и спокойствие только в жизни, и в жизни вечной. Жизнь же вечная – это жизнь божественная, это Бог. Быть божественным существом – вот в чем, стало быть, цель жизни: только тогда истина не может быть нами утрачена, потому что она уже более не вне нас, ни даже в нас, но мы сами составляем истину, а истина – нас; мы тогда истина, воля и дело Божье. Свобода делается тогда нашей природой, творение составляет одно с творцом, соединяется с ним любовью, делается тем, чем оно должно быть. Его воспитание окончено, и начинается его окончательное блаженство. Солнце времени заходит, и появляется свет вечного блаженства.

Наши плотские сердца могут назвать это мистицизмом, но это мистицизм Христа. *«Я и Отец одно. Я в Отце моем, и вы во мне, и я в вас».*

Чтобы овладеть собой и созреть

17 декабря 1854 г. Когда мы не делаем ничего особенного, тогда только мы живем всем существом нашим. И мы перестаем расти только для того, чтобы овладеть собою и созреть. Воля перестает действовать, но природа и время действуют постоянно, и, несмотря на то что жизнь наша уже не есть наше дело, дело жизни все-таки продолжается. С нами, без нас или вопреки нам наше существование проходит все свои видоизменения; наша невидимая Психея тклет шелк своей кризолиды, наша судьба совершается, и каждый час нашей жизни приближает нас к тому расцвету, который мы называем смертью. Итак, эта деятельность неизбежна; сон и праздность не останавливают ее, но она может сделаться свободной и нравственной, может стать радостью вместо ужаса.

Ничто так не характеризует человека, как его обращение с дураками

Ничто так не характеризует человека, как его обращение с дураками.

Нам очень трудно не соглашаться с нашим самолюбием и не находить приятными тех, кто нас одобряет.

Будем правдивы: в этом тайна красноречия и добродетели, в этом нравственное влияние, в этом высшее правило искусства и жизни.

Хороша и печаль,
хорошо и веселье

16 апреля 1855 г. О, какая сладостная вещь – хоть немного самого простого, наивного счастья! Даже теперь духовая музыка, остановившаяся на улице, заставляет вздрагивать мое сердце, как в 18 лет. Благодарю тебя, Боже мой! Уже несколько недель и месяцев я считал себя стариком. Приходите же, поэзия, природа, молодость, любовь, перемесите жизнь вашими волшебными руками, начните вновь во мне ваши бессмертные хоро-воды, пойте свои песни сирен, дайте мне пить из чаши бессмертия, верните меня на Олимп моей души. Или нет, лучше без язычества! Бог радости и печали, делай из меня что хочешь; хороша и печаль, хорошо и веселье. Ты ведешь меня через веселье. Я принимаю его от тебя и благодарю за него.

Самые высокие
наши стремления
мешают нам быть
счастливыми

27 июля 1855 г. С точки зрения счастья вопрос жизни неразрешим, так как самые высокие наши стремления мешают нам быть счастливыми. С точки зрения долга то же затруднение, так как исполненный долг дает мир, а не счастье. Только божественная святая любовь и обладание Богом верою уничтожает это затруднение, потому что если жертва стала радостью постоянной, растущей, ненарушимой радостью, то душа обеспечена достаточным, хотя и неопределенным питанием.

Всё прошлое
представляется моей
памяти стоящим на
одном плане

21 января 1856 г. Вчерашний день для меня так же далек, как прошлый год; всё прошлое представляется моей памяти стоящим на одном плане, как звездное небо моему глазу. Я также не могу найти в моей памяти ни одного дня из прошлого, как не мог бы найти стакана воды, вылитого в озеро; они не пропали, но распустились, индивидуальное вошло в общее; разделения времени суть категории, не могущей формировать моей жизни, так же как и отделения, намеченные тростью – палкой на поверхности воды, не оставляют на ней продолжительного отпечатка. Я – течение, и надо примириться с этим.

Жизнь есть обучение
прогрессивному
отречению...

22 октября 1856 г. Жизнь есть обучение прогрессивному отречению, постоянному уменьшению наших требований, наших надежд, наших сил, нашей свободы. Круг всё более и более суживается: хотел всё узнать, всё видеть, всего достигнуть, всё завоевать, и во всех направлениях приходишь к своему пределу. *Non plus ultra*. Богатство, слава, любовь, власть, здоровье, счастье, долголетие – все блага, которыми пользовались другие люди, представляются сначала обещанными и достижимыми, а потом надо дунуть на эту мечту, уменьшать постепенно свою личность, сделать себя маленьким, смиренным, чувствовать себя ограниченным, слабым, зависимым, незнающим, хилым, бедным, всего лишенным и положиться во всем на Бога, потому что не имел ни на что права и потому что дурен. В этом-то ничтожестве и находишь еще жизнь, потому что искра Божия в глубине его. Смирись и в доверчивой любви вновь завоевываешь истинное величие.

В важнейших
вопросах жизни мы
всегда одни

27 октября 1856 г. В важных вопросах жизни мы всегда одни, и наша настоящая история почти никогда не может быть понята другими. Лучшая часть этой драмы есть монолог или, скорее, задушевное рассуждение между Богом, нашей совестью и нами. Слезы, горести, уныние, обманы, оскорбления, хорошие и дурные мысли, решения, нерешительности, взвешивания – всё это наши тайны; почти всё это не сообщаемо и не передаваемо другим, даже когда мы и хотим высказать это, даже когда пишем об этом. Самое драгоценное в нас никогда не показывается, оно не находит себе выхода даже в дружбе, достигает даже нашего сознания только отчасти, проявляется вполне только в молитве и, вероятно, может быть понято только Богом, потому что наше прошедшее уходит от нас. Наша монада может подвергаться влиянию других, но она все же остается в своем центре так же непроницаема для них, и в конце концов мы сами же остаемся вне нашей собственной тайны. Центр нашего сознания бессознателен, так же как ядро солнца темно. Всё, что мы есмь, всё, чего мы хотим, делаем, знаем, – всё более или менее поверхностно, и тьма непостижимой сущности находится ниже лучей нашей периферии.

Темное существует
только для того,
чтобы перестать
быть им, – оно
условие всякой
победы

Но темное существует только для того, чтобы перестать быть им, оно есть необходимое условие всякой победы и всякого прогресса. Называйся оно предопределением, смертью, ночью или материей, оно все-таки пьедестал жизни, света, свободы, духа, потому что оно сопротивление, то есть точка опоры деятельности, условия ее развития и торжества.

Как часто мы лицемерим, когда сознаем в себе внутреннюю перемену

17 декабря 1856 г. Как часто мы лицемерим, когда, оставаясь наружно и для других самими собой, сознаем в себе и для себя внутреннюю перемену. Это не есть лицемерие в прямом смысле слова, потому что мы представляем не другое лицо, а самих себя, но это все-таки нечто вроде лжи. Эта ложь унижает, и унижение это есть наказание, вроде того, которое накладывает маска на лицо, это есть наказание, которое наше настоящее несет за прошедшее, и это унижение полезно, потому что оно производит стыд, а стыд порождает раскаяние. И, таким образом, в правдивой душе зло превращается в добро и падение приводит к возрождению.

Долг состоит в том, чтобы быть полезным так, как это возможно

Долг состоит в том, чтобы быть полезным не так, как нам хочется, но так, как возможно.

Стремление к личному благу есть только продолжение в нас животности; человечность же начинается в человеке только с отречением от него.

Кто хочет вполне ясно всё рассмотреть перед тем, как решиться, никогда не решается. Кто боится раскаяния, боится жизни.

Судить – значит видеть правду, это значит заботиться о справедливом и, следовательно, быть беспристрастным, более того – быть бескорыстным, более этого – быть безличным.

Талант в том, чтобы легко сделать то, что трудно другим

Легко сделать то, что трудно другим, – в этом талант; сделать то, что невозможно таланту, – в этом гений.

Обучая, мы учимся, рассказывая – наблюдаем, утверждая – следуем, показывая – видим и, когда пишем, – думаем. Качая воду, мы притягиваем ее в свой колодезь.

Произведение Вагнера даже больше поэтично, чем музыкально

28 мая 1857 г. Мы останавливаемся в Женеве, чтоб слышать «Тангейзера» Ричарда Вагнера, исполненного в театре немецкой действующей труппой. Вагнер – могущественный ум и владеет чувством высокой поэзии. Его произведение даже больше поэтично, чем музыкально. Уничтожение лирического элемента, следовательно и

мелодии, у него систематично и умышленно. Нет более ни дуэтов, ни трио; монолог и арии также исчезли. Остается декламация, речитатив и хоры. Чтобы избежать условности в пении, Вагнер впал в другую условность, в ту, чтобы не петь. Он подчиняет голос отдельно произносимым словам и из страха, чтобы муза не улетела, он отсекает ей крылья. Поэтому его произведения скорее симфонические драмы, чем опера.

Голос низведен на степень инструмента... Центр тяжести произведения переходит в палочку дирижера

Голос низведен на степень инструмента, поставлен на уровень со скрипкой, цимбалами и гобоями, и с ним обходятся как с инструментом. Человек низведен с своего высшего положения, и центр тяжести произведения переходит в палочку дирижера.

Это музыка обезличенная, музыка толпы, вместо музыки – личности

Это музыка обезличенная, музыка новогегелианская, музыка толпы, вместо музыки – личности.

В этом случае она действительно музыка будущего, музыка социальной демократии, заменяющая аристократическое, героическое и субъективное искусство. Увертюра мне еще менее понравилась, чем в первый раз; она соответствует дочеловеческой природе; всё в ней громадно, дико, первобытно, как шум лесов и рев животных. Это чудовищно и темно, потому что человек, то есть дух, ключ к загадке, личность, созерцатель, отсутствует. Замысел пьесы широк: это борьба сладострастия с чистой любовью, словом, плоти с духом, животного с ангелом в человеке. Музыка всё время выразительна, хоры прекрасны, оркестровка умелая, ensemble утомителен и преувеличен, слишком полный, слишком тяжелый; в ней недостает, в конце концов, веселости, легкости, естественности и живости, то есть крыльев и улыбки. В поэтическом смысле чувствуешь себя охваченным ею, но музыкальное наслаждение нерешительно, часто сомнительно и ничего не помнишь, кроме впечатления.

Музыка Вагнера представляет отречение от себя

Музыка Вагнера представляет отречение от себя и освобождение всех побежденных сил. Это возвращение к спинозизму, торжество предопределения. Эта музыка имеет свое начало в двух направлениях нашего времени – материализма и социализма, двух направлениях, ложно понимающих истинное назначение человеческой личности и потому жертвующих ею для цельности природы или общества.

Теория трех жизней – низшей, человеческой и высшей

18 июня 1857 г. Я только что окончил чтение Бирана. Нет ничего меланхоличнее и утомительнее этого *дневника Майн-де-Бирани*. Это неизменное однообразие рассуждений, повторяющихся без конца, раздражает и приводит в

уныние. Так вот она, жизнь знаменитого человека в самых интимных ее подробностях. Это длинное повторение, с незаметным перемещением центра в его взгляде на самого себя. Этому мыслителю нужно тридцать лет, чтобы двинуться с эпикурейского спокойствия к квиетизму Фенелона, и то только отвлеченно, так как практическая жизнь остается всё та же, и всё его антропологическое открытие состоит в повторении теории трех жизней (низшей, человеческой и высшей), которая есть уже у Паскаля и даже у Аристотеля. И это во Франции называется философом! Рядом с великими философами какой слабой представляется эта умственная жизнь! Это путешествие муравья, совершающееся в пределах поля, крота, тратящего свои дни на устройство своей норы. Каким душным показался бы тот круг, которым ограничиваются крот и муравей, ласточке, перелетающей через Старый Свет и сфера жизни которой заключает в себе Африку и Европу.

Я чувствую сострадание и боюсь своей жалости к Бирану

Я испытываю с книгой Бирана что-то вроде асфиксии и то же, как и всегда, омертвление по сочувствию и внушение по симпатии. Я чувствую к нему сострадание, и я боюсь своей жалости, потому что я чувствую, как я сам близок к тем же страданиям и тем же ошибкам.

Зачем это бесстыдное хвастовство безобразием?

26 июля 1857 г. (Вандевр). В десять часов вечера, под звездным небом, толпа деревенских жителей, ставших под окнами гостиной, орала безобразные шансонетки. Почему это ухарское карканье умышленно фальшивых нот и насмешливых слов – веселость этих людей? Зачем это бесстыдное хвастовство безобразием? Почему эта отвратительная гримаса антипоэзии есть их способ развернуться и расцвести в этой величественной, безмолвной и тихой ночи? Почему? По тайному и печальному инстинкту.

Потребность чувствовать себя обособленной личностью

По потребности чувствовать себя обособленной личностью, по потребности самоутверждения исключительного, эгоистического, идолопоклоннического обладания самим собой, противопоставляя свое *я* всему остальному, грубо противопоставляя его природе, нас окружающей, поэзии, восхищающей нас, гармонии, соединяющей нас с другими, и обожанию, влекущему нас к Богу. Нет, нет и нет; один *я* и довольно; *я* в отрицании, в безобразии, в кривлянии и насмешке; *я* в своем самодурстве, в своей независимости и в своем безответственном самовластии; освобожденный смехом, вольный, как демон, ликующий от своеволия, *я* – хозяин самого себя, непобедимая монада, существо, довольствующееся собой, живущее, наконец, хоть раз само собой и для себя самого. Вот что в основании этой радости; это эхо сатаны, искушение сделаться центром всего. Но это также мгновенное созна-

ние абсолютной стороны личной души, это грубое возвеличение субъекта, злоупотребляющего своим правом субъективности, это карикатура нашего драгоценнейшего преимущества, пародия нашего апофеоза и опозорение нашего высшего величия. Ревите же, пьяницы! Ваш отвратительный концерт в своем отталкивающем безобразии все-таки свидетельствует, не зная того, о величии и высочайшем могуществе души.

Огромный талант,
пожираемый
честолюбием, –
Шатобриан

24 сентября 1857 г. Вчера я размышлял об Атала и о Рене – и Шатобриан мне стал понятен. Великий художник, но не великий человек, огромный талант, но еще более огромная гордость; пожираемый честолюбием, но нашедший в мире достойной любви и обожания только свою личность; неутомимый в труде, способный ко всему, кроме действительного самопожертвования, самоотречения и веры. Завистливый ко всякому успеху, он всегда был в оппозиции для того, чтобы иметь право отрицать всякую заслугу и всякую славу, кроме своей.

Тайна безграничных
противоречий
заключается
в потребности быть
единым, как солнце

Легитимист во время империи, парламентарист во время легитимизма, республиканец во время конституционной монархии, защитник христианства во Франции во времена философов, отвернувшийся от религии, как только она снова стала серьезной силой, – тайна этих безграничных противоречий заключается в потребности быть единым, как солнце, в неутолимой жажде торжества, неизлечимом и ненасытном тщеславии, которое присоединяет к жестокости тирании высшее отвращение к какому-либо разделению славы.

Великолепное
воображение
и отвратительный
характер

Великолепное воображение и отвратительный характер, неоспоримая сила, но антипатичный эгоизм, сухое сердце, могущее терпеть около себя только обожателей и рабов. И все-таки – измученная душа и печальная жизнь, несмотря на его ореол славы и лавровые венки.

Особенно завистливый и раздражительный, Шатобриан с самого начала воодушевляется задором, потребностью противоречить, уничтожить и победить, и это остается постоянным и особенным мотивом его деятельности. Руссо представляется мне его исходной точкой, человеком, у которого, по противоположности и сопротивлению, он будет черпать все свои возражения и нападки.

Руссо –
революционер;
Шатобриан
воодушевляется
потребностью
уничтожить
и победить

Руссо – революционер; Шатобриан напишет свой «Опыт о революциях». Руссо – республиканец и протестант; Шатобриан сделается роялистом и католиком. Руссо – буржуа; Шатобриан будет прославлять только дворянство, честь, рыцарство и героев. Руссо завоевал для французской литературы природу, в особенности

Руссо создал
апологию
мечтательности
и проповедовал
будущность народов;
Шатобриан воспел
прелести
прошедшего

природу гор, озер Савои и Швейцарии, он отстаивал ее перед цивилизацией; Шатобриан вооружится новой колоссальной природой океана и Америки, но заставит своих дикарей говорить языком Людовика XIV, заставит Атала преклоняться перед католическим миссионером и освятит мессой страсти, зародившейся на берегах Миссисипи.

Руссо создал апологию мечтательности; Шатобриан воздвигнет ей памятник, чтобы разбить его в Рене. Руссо красноречиво проповедует деизм в «савойском священнике»; Шатобриан обовьет гирляндами своей поэзии римский символ в *Гении христианства*. Руссо требует восстановления естественного права и проповедует будущность народов; Шатобриан будет воспевать прелести прошедшего, пепел истории и благородные развалины империи. Постоянная рисовка, ловкость, предвзятость, потребность известности, задача воображения, вера по заказу, редко – искренность, честность, правдивость. Всегда действительное равнодушие, принимающее личину страсти к истине; всегда искание славы вместо преданности добру; всегда тщеславный художник, а не гражданин, не верующий, не человек – Шатобриан всю свою жизнь играл роль соскучившегося колосса, улыбающегося из жалости перед карликом миром и притворяющегося в том, что он из презрения ничего не хочет брать от него, тогда как он мог бы взять от него всё своим гением.

Мы никогда
не бываем более
недовольны
другими, как когда
мы недовольны
собой

Мы никогда не бываем более недовольны другими, как когда мы недовольны собой. Сознание вины делает нас нетерпимыми, а наше лукавое сердце старается раздражиться тем, что вне его, для того чтобы заглушить то, что внутри его.

Способность умственных превращений есть первая способность критика. Без нее он неспособен понять другие умы, вследствие этого он должен молчать, если он правдив. Добросовестному критику предстоит критика самого себя: о том, чего не понимаешь, не имеешь права судить.

Мысли, люби,
действуй и страдай
в Боге – в этом
великая наука

14 июня 1858 г. Без обладания вечностью, без религиозного взгляда на жизнь эти беглые мгновения суть только поводы к ужасу.

Счастье должно быть молитва и несчастье также. Вера в нравственный порядок, в отеческое покровительство божества возникла передо мной во всей своей серьезной прелести.

Мысли, люби, действуй и страдай в Боге – в этом великая наука.

Обязанность, которую ты предчувствуешь, связывает тебя с того момента, как ты угадал ее

14 июля 1858 г. Мечтал один, сидя у окна, после десяти часов вечера, когда звезды зажигались между облаками, а огни соседей один за другим потухали в окрестных домах. Мечтал о чем? О смысле этой трагикомедии, которую мы все тут играем. Увы, увы! Я был так же грустен, как Экклезиаст. Сто лет представлялись мне сном, жизнь – одним дыханием и все – ничтожеством. Сколько нравственных мучений – и всё это, чтобы умереть через несколько минут. Чем интересоваться и зачем?

Время – ничто для души; дитя, твоя жизнь полна и сей день стоит сотни лет, если ты в течение этого дня найдешь Бога.

Обязанность, которую ты предчувствуешь, связывает тебя с того самого момента, как ты угадал ее.

«Фауст». В этой поэме всё больше и больше слов, поражающих меня прямо в сердце

14 июля 1859 г. Я только что перечел «Фауста». Увы! Каждый год я бываю вновь охвачен этой беспокойной жизнью и этой темной личностью. Это именно та тоска, к которой меня влечет, и я встречаю в этой поэме всё больше и больше слов, поражающих меня прямо в сердце. Бессмертный, злотворный, проклятый тип. Призрак моей совести, привидение моего мучения, изображение непрерывной борьбы, которая не нашла своей пищи, своего мира, своей веры, не есть ли ты пример жизни, пожирающей себя, потому что не встретила своего Бога и которая в своем блуждании через миры несет с собою как комета неугасимый пожар желания и казнь неизлечимого разочарования? И я тоже приведен к небытию и чувствую себя охваченным тоской по неизвестному, измученным жаждой бесконечного, уничтоженным перед невыразимым, я содрогаюсь на краю великой пустоты своего внутреннего существа.

Ощущение этих глухих бешенств жизни, этих отчаянных порывов к счастью

Я тоже иногда ощущаю эти глухие бешенства жизни, эти отчаянные порывы к счастью, но чаще всего полное изнеможение и молчаливую безнадежность. А отчего это? От сомнения в мысли, в самом себе, в людях и в жизни, от сомнения, которое расслабляет волю, лишает возможности исполнения, которое заставляет забывать Бога, пренебрегать молитвой, обязанностями, от тревожного, разъедающего сомнения, которое делает существование невозможным и насмехается над всякой надеждой.

Всегда и везде
спасение есть мѹка

17 июля 1859 г. Всегда и везде спасение есть мѹка, освобождение – смерть, успокоение в жертве. Чтобы получить благодать, нужно целовать раскаленное железо креста; жизнь есть ряд терзаний, Голгофа, на которую восходят, только изранив себе колена. Развлекаешься, рассеиваешься, одуряешься, чтобы избавиться себя от испытания, отворачиваешься, стараясь не видеть свою *via dolorosa*. И все-таки надо вернуться к ней.

Надо признать, что
каждый из нас носит
в самом себе своего
демона, свой ад...

Надо признать, что каждый из нас носит в самом себе своего палача, своего демона, свой ад в своем грехе и что этот грех его – его идол, и что этот идол, который соблазняет волю его сердца, – есть его проклятие. Умереть греху – это удивительное слово христианства останется высшим теоретическим разрешением внутренней жизни. В этом только спокойствие совести, а без этого спокойствия нет мира.

Исполнять свой долг
любовно и послушно,
делать добро

Я только что прочел семь глав Евангелия. Это чтение действует успокоительно. Исполнять свой долг любовно и послушно, делать добро – вот главные выступающие мысли. Жить в Боге и делать Его дело – вот религия, спасение, вечная жизнь, вот действие и признак святой любви и святого Духа. Это новый человек, провозглашенный Иисусом, новая жизнь, в которуюходишь вторым рождением. Переродиться – это значит отказаться от прежнего себя, от природного человека, от греха, это значит усвоить себе другое начало жизни, это значит существовать для Бога другим человеком, с другой волей, с другой любовью.

(Продолжение следует)
